

Добронравов Сергей Викторович, Торбург Марина Робертовна

КАТОЛИЧЕСКАЯ ТЕОЛОГИЯ В ЭПОХУ ПОСТМОДЕРНИЗМА (НА ПРИМЕРЕ КНИГИ ЙОЗЕФА РАТЦИНГЕРА (БЕНЕДИКТА XVI) "ИИСУС ИЗ НАЗАРЕТА")

В статье выявляется влияние основных установок постмодернистской философии на католическую теологию на примере книги Папы Бенедикта XVI (Йозефа Ратцингера) "Иисус из Назарета". Авторы раскрывают эклектичность и противоречивость позиции Папы, пытающегося, используя приемы средств массовой информации, совместить христианское учение с идеями левой социально-философской критики.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2013/11/15.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2013. № 11 (78). С. 62-68. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2013/11/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

Наибольший накал борьбы между крестьянством сибирской деревни и государством наблюдается в 1924-1925 гг., когда крестьянство выступало единым фронтом. В 1926 г. государство в основном удовлетворило требования бедноты и облегчило налогообложение середняков, разорвав этот единый фронт.

Вплоть до конца 1927 г. государство, несмотря на трудности в проведении хлебозаготовок, не выходило из правового поля. Однако за пять лет действия единого сельскохозяйственного налога советским и партийным органам не удалось выработать экономических мер предотвращения заготовительных кризисов, и поэтому, когда в начале 1928 г. такой кризис настал, руководство страны прибегло к репрессивным мерам. Базой для осуществления этих мер стали, в том числе, и бедняцкие сельские Советы.

Список литературы

1. Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. П-6. Оп. 1.
2. Государственный исторический архив Омской области (ГИАОО). Ф. Р-460. Оп. 1.
3. Гущин Н. Я., Ильиных В. А. Классовая борьба в сибирской деревне (1920-е – середина 1930-х гг.). Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1987. 320 с.
4. Дианов А. Г. Социально-экономические процессы середины 20-х гг. в сибирской деревне (по итогам обследований рабоче-крестьянской инспекции Заларинской волости Иркутской губернии) // Омский научный вестник. 2006. № 6. С. 34-38.
5. Чугунов А. И. Органы социалистического контроля РСФСР 1923-1934 гг. М.: Наука, 1972. 472 с.

WORKERS AND PEASANTS' INSPECTION ABOUT SIBERIAN VILLAGE TAXATION IN THE MIDDLE OF THE 20S OF THE XXTH CENTURY

Dianov Aleksei Grigor'evich, Ph. D. in History, Associate Professor
Siberian Automobile and Highway Academy
dianov_60@mail.ru

In the article, on the basis of the materials of the workers and peasants' inspection audits and inquiries, the taxation system of the Siberian village in the middle of the 20s of the XXth century is analyzed and the attitude of different groups of the Siberian peasantry to this system is shown. The author pays special attention to exemption order and repressions use in relation to taxpayers.

Key words and phrases: workers and peasants' inspection; audits; single agricultural tax; repressions; Siberian peasantry.

УДК 02.91.09

Философские науки

В статье выявляется влияние основных установок постмодернистской философии на католическую теологию на примере книги Папы Бенедикта XVI (Йозефа Ратцингера) «Иисус из Назарета». Авторы раскрывают эклектичность и противоречивость позиции Папы, пытающегося, используя приемы средств массовой информации, совместить христианское учение с идеями левой социально-философской критики.

Ключевые слова и фразы: постмодернистское направление в культуре; плюрализм; толерантность; разочарование в традициях; утрата единства мысли; непоследовательность и эклектизм; смешение различных традиций, стилей, жанров, концепций; логика дополнительности; апелляция к современному эмоциональному и интеллектуальному контексту.

Добронравов Сергей Викторович, к. филос. н.
Торбург Марина Робертовна, к. филос. н., доцент
Московский государственный горный университет
mggu-kphk@mail.ru; deleuze@rambler.ru

КАТОЛИЧЕСКАЯ ТЕОЛОГИЯ В ЭПОХУ ПОСТМОДЕРНИЗМА (НА ПРИМЕРЕ КНИГИ ЙОЗЕФА РАТЦИНГЕРА (БЕНЕДИКТА XVI) «ИИСУС ИЗ НАЗАРЕТА»)[©]

Современная эпоха породила новые принципы и подходы к осмыслению действительности, которые получили условное наименование постмодернистского направления в культуре. Сегодня влияние этого направления отчетливо просматривается и в самой консервативной сфере духовной культуры – теологии. Наглядным примером может служить книга бывшего главы Католической Церкви Папы Бенедикта XVI (Йозефа Ратцингера) «Иисус из Назарета» [4].

Как известно, постмодернисты утверждают принципы плюрализма и толерантности по отношению к представителям различных учений и взглядов на мир. Подобная установка прослеживается и в книге Папы. Так, выступая в качестве христианского богослова, Бенедикт XVI не приводит никаких возражений – ни

богословских, ни культурно-исторических, ни собственно евангельских – в адрес иудейской религии. Даже само разграничение между иудаизмом и христианством, которое он, казалось бы, должен отчетливо провести как представитель определенной религиозной конфессии, понтифик осуществляет от имени современного раввина Якоба Нойснера [Там же, с. 114-128]. Конечно, Бенедикт XVI, в отличие от иудея, свято верит в божественность Иисуса Христа. Чтобы у читателя не возникло и тени сомнения по этому поводу, он еще в начале книги декларирует данное положение в качестве ее идейного стержня. Книга «рассматривает Иисуса в неразрывной связи с Богом, составляющей самую суть Его личности и поэтому объясняющей все, не говоря о том, что именно благодаря этой связи Он живет для нас и поныне» [Там же, с. 7]. Однако в контекст своего диалога с раввином соответствующие суждения понтифик не включает, хотя именно вера в Иисуса Христа как богочеловека и составляет принципиальное отличие христианства от иудаизма. Вступать в богословскую полемику с иудаизмом Бенедикт XVI явно не расположен. Свою веру в Иисуса Христа как в Бога он, «викарий Христа», никак не противопоставляет иудейской вере, что должен был сделать и по своей должности, и по своему роду занятий.

Бенедикт XVI настолько толерантен по отношению к иудеям, что не приводит и соответствующих евангельских высказываний в их адрес (ни евангелистов, ни самого Иисуса Христа) даже тогда, когда это требуется логикой развертывания его собственной мысли. Например, рассматривая спор Иисуса с иудеями, приводимый в Евангелии от Иоанна, Бенедикт XVI цитирует слова иудеев: «Отец наш есть Авраам. <...> мы не от любодения рождены; одного Отца имеем, Бога» [Там же, с. 351]. Купюра в цитате сделана самим Папой, и не случайно, поскольку соответствующий фрагмент содержит предельно негативный ответ Иисуса иудеям: «Иисус сказал им: если бы вы были дети Авраама, то дела Авраамовы делали бы. А теперь ищите убить Меня, Человека, сказавшего вам истину, которую слышал от Бога: Авраам этого не делал. Вы делаете дела отца вашего» (Ин. 8:40). Дальнейшие слова Иисуса, поясняющего, кто этот отец, Бенедикт XVI также не приводит, хотя это касается сути разбираемого спора: «Иисус сказал им: если бы Бог был Отец ваш, то вы любили бы Меня, потому что я от Бога исшел и пришел», «Ваш отец диавол; и вы хотите исполнять похоти отца вашего» (Ин. 8: 42, 44). Указанная оппозиция проходит через весь приведенный спор и вообще через все евангелие от Иоанна. Таким образом, проводя подобное обрезание евангельского текста, Бенедикт XVI в угоду толерантности существенно изменяет его смысл. Процедуры свободного смещения смысла и игры со смыслом оправдываются в постмодернистской философии как противостояние тоталитаризму и насилию мысли. В частности, Жак Деррида свои эксперименты со смыслами текстов назвал «деконструкцией» и подробно описал в работе «О грамматологии» [1].

Однако если постмодернисты оправдывают создание различных смысловых вариаций отсутствием изначальной заданности и единства смысла как такового, то Папа, напротив, признает предзаданность и единство смысла, исходящего от единого Бога, принимая Библию в качестве подлинного источника божественных истин. Кроме того, Бенедикт XVI обрезает евангельскую цитату не в защиту христианской доктрины, как ранее поступали католические богословы, а в защиту иудеев, демонстрируя тем самым готовность занимать внешне какую угодно позицию, что также сблизжает его с представителями постмодернистской мысли.

Богословская позиция Папы в то же время весьма непоследовательна и эклектична. С одной стороны, он как консерватор отстаивает канонические истины христианского вероучения, пытаясь показать их достоверность, актуальность, всеобщность, неразрывную связь с важнейшими культовыми действиями. Однако, не обращаясь в своей книге к каким-либо теологическим и философским авторитетам и отсылая читателя к самым истокам христианской веры – Священному Писанию, – Бенедикт XVI демонстрирует свойственное современной эпохе разочарование в сложившихся традициях, в том числе и в отношении к интерпретации библейских истин. В то же время, отказываясь от ссылок на сложные богословские конструкции современных экзегетов, понтифик, по-видимому, пытается привлечь к своей книге внимание массового читателя. Отстраняясь от сложившихся в богословии традиций, Папа выступает то с позиций томизма с его опорой на интеллектуализм, то с противоположных позиций волюнтаристской теологии, отдающей приоритет воле. Вслед за Фомой Аквинским Бенедикт XVI провозглашает гармонию веры и разума: «Мир представляется здесь (в Новом Завете) как устройство, основанное на рациональном начале: он произошел от вечного разума, и только этот созидующий разум обладает подлинной властью над миром и в мире. Только вера в единственного Бога дает освобождение и действительно “рационализует” мир. Там, где эта вера исчезает, мир лишь кажется более рациональным» [4, с. 182]. С другой стороны, он не только подчиняет интеллект чувствам, утверждая, что «чувствительная основа души задает направление воле и разуму» [Там же, с. 104], но и отдает предпочтение мистическому богопознанию. Переходя на позиции волюнтаристской теологии, Папа призывает опираться на откровения христианских подвижников, которые воплощают в жизнь божественную волю: «Святые являются истинными толкователями Священного Писания» [Там же, с. 90]. Так, согласно понтифику, нужно верить Франциску Ассизскому, ибо он в своей жизни самоотверженно воплощал христианские идеалы и «хотел собрать Божий народ, дабы услышали люди призывное Слово Божие, незамутненное учеными комментариями, во всей его чистоте» [Там же, с. 91]. Подобное совмещение двух столь различных направлений в богословии – волюнтаристского и интеллектуалистического – стало возможным только в эпоху распространения постмодернистских установок, допускающих смешение традиций, стилей, жанров.

Кто надеется, что найдет спасение каким-либо другим, неевангельским способом, согласно Папе, «основывается на очень странном представлении о Боге, о человеке и о том, по какому пути должно идти

человечество» [Там же, с. 103]. Для пояснения своей мысли о спасении понтифик приводит ряд «практических» вопросов, которые, действительно, демонстрируют «странные» даже для номинального католика образцы культурного поведения: «Если человек, действуя по совести, честно исполняет свой долг кровной мести, будет ли это основанием для того, чтобы считаться праведником перед Богом и быть спасенным? Или если он все свои силы направляет на ведение “священной войны”?» [Там же]. Очевидно, что представитель католической культуры, даже отошедший от своей религии, согласится с отрицательным ответом на подобные вопросы и, следуя за дальнейшими размышлениями понтифика, которые едва ли подчиняются требованиям элементарной логики, сделает практический выбор, к которому и подводит понтифик: «Нет, Бог требует прямо противоположного: Он требует постоянного бдения, готовности воспринять Его тихое одобрение, которое, проникая в нас, помогает вырваться из круга привычного и направляет на путь истины; Ему нужны люди, “алчущие и жаждущие правды”, – вот путь, который открыт для всех, путь, который завершается подле Иисуса Христа» [Там же]. Понтифик пускает в ход прием, который часто используется создателями современной рекламы: например, утверждается, что, присоединяясь к сообществу покупателей и потребителей косметики определенной марки, любая женщина становится неотразимой. Папа же заверяет, что тот, кто прислушивается к его слову, становится «алчущим и жаждущим правды» и направляется «на путь истины». Но разве не резоннее было бы католическому богослову сослаться на авторитет двух тысячелетий христианской традиции?!

Очевидно, что Папа не доверяет рациональной логике, что также сближает его с представителями постмодернистской философии. Как известно, постмодернисты провозгласили исчерпанность интеллектуальной традиции, формировавшейся в западноевропейской культуре, начиная с эпохи античности, и достигшей своего апогея в философии Нового времени. Вслед за постмодернистами Папа не придерживается требования логического единства, пытаясь совместить несовместимое. Именно постмодернисты провозгласили репрессивный и тоталитарный характер всякого единства [3].

Постигая смысл «подлинного Иисуса Христа», Бенедикт XVI предлагает преодолеть разрыв между «Иисусом веры» и «историческим Иисусом», который, по его мнению, стал ощущаться все больше, начиная с 1950-х годов, и «постепенно настолько углубился, что оба понятия оказались противопоставленными друг другу» [4, с. 5]. (Совмещая «Иисуса веры» и «исторического Иисуса», Папа прибегает к так называемой «логике дополнительности» – методологической процедуре, осуществляющей объединение несовместимых противоположностей, не прибегая к гегелевскому снятию [1]). Не считается Бенедикт XVI и с требованием единства жанра написания книги. Наряду с теологическими изысканиями он обращается к историческим исследованиям, мистическим откровениям, социально-философской критике, лингвистическим поискам, а также выступает в качестве проповедника.

Соглашаясь с Владимиром Соловьевым, призывавшим скептически относиться к некоторым богословским книгам, которые разрушают образ подлинного Христа и подтачивают христианскую веру, Папа идет значительно дальше. Он сводит практически на нет интеллектуальные усилия всех ученых-теологов и других исследователей Библии, рассуждая в духе мистических учений: «“Книжники” – все те, кто профессионально “занимаются” Богом, – не имеют знания о Нем; они блуждают в дебрях частностей и никогда не выберутся оттуда. Простой, бесхитростный взгляд на целое, на открывающуюся реальность Бога им недоступен; их знания застилают им взор, да и как может казаться что-то простым тому, кто знает так много о многосложности явления?» [4, с. 344]. Бог «может искаться и находиться движением сердца» [Там же, с. 49]. Под «“сердцем”» понимается именно такое внутреннее взаимодействие воспринимающих сил человека, при котором должно происходить подлинное слияние тела и души, что и является признаком целостности творения “человек”» [Там же, с. 104].

Неоднозначно и непоследовательно отношение Бенедикта XVI и к исторической науке. С одной стороны, Папа утверждает, что историческая наука может пролить свет на образ Иисуса Христа. С другой стороны, он упрекает историков за то, что их представления об Иисусе больше отражают их личные представления и идеалы, чем раскрывают подлинный образ Христа. Понтифик сетует на то, что «попытки реконструировать образ Иисуса на основании относимых к разным традициям евангельских текстов и их возможных источников привели к множественности вариантов прочтения образа Иисуса, причем сами варианты представляли порой как прямо противоположные версии: от пламенного революционера, провозвестника антиримской идеи, выступающего за свержение господствующей власти и терпящего в конечном итоге крах, до кроткого моралиста, который все приемлет и со всем смиряется, но который по непонятным причинам все же становится жертвой и погибает» [Там же, с. 6]. В итоге Папа заявляет об ограниченности применения научных методов. Так, историко-критический метод, выявляя событийный контекст, в котором возникли тексты Библии, трактует только прошлое. Папа, напротив, посредством текстов Библии призывает обращаться к современности. Очевидно, что понтифик руководствуется положением христианского учения о том, что Священное Писание – книга, исходящая от Бога, говорящего на все времена. Историкам Папа выражает явное недоверие, предостерегая от попыток, «воспроизводя прошлое, проецировать его на настоящее» [Там же, с. 51]. А теологов, напротив, упрекает за то, что они подгоняют Библию под «так называемую современную картину мира» [Там же]. Кроме того, по мнению Папы, исторический метод соотносит книги Библии с конкретной эпохой, что ведет к утрате внутреннего единства Священного Писания. Будучи католическим богословом, Бенедикт XVI все-таки отдает предпочтение канонической экзегетике над исторической наукой, которая, с его точки зрения, может преодолеть

ограниченность исторического метода и дать возможность сосредоточиться на сущностном аспекте толкования, воспринимая отдельные тексты Библии как единое целое.

Вместе с тем, понтифик, по-видимому, понимает, что сегодня, в эпоху господства СМИ, ни каноническая экзегетика, ни новаторское теологическое исследование с использованием современных научных методов, ни простое и проникновенное воспроизведение христианских истин, даже проведенное на высоком художественном уровне, не оказывают заметного воздействия на массового читателя. Об этом свидетельствуют произведения других католических авторов, рассказывавших в XX в. публике об Иисусе Христе. Для того чтобы достучаться до своих читателей, Бенедикт XVI, по всей видимости, учитывает успешный опыт СМИ и не просто обращается к библейским текстам, а через их истолкование апеллирует к очевидным для современного западного человека вещам, то есть к тому эмоциональному и интеллектуальному контексту, в который он погружен. С этими очевидностями жизненного мира понтифик искусно связывает соответствующие догматические положения, придавая им тем самым в глазах читателя такую же актуальность и очевидность. Выполняя эту задачу, Бенедикт XVI, известный еще в бытность кардиналом своими консервативными взглядами и призывами к «возвращению к истокам», берет, однако, на вооружение не эти догматы, а идеи левой идеологии, которыми насквозь пронизано современное массовое сознание и которые оказали огромное влияние на формирование постмодернистской философии. Причем, Папа подчас довольно легко и умело встраивает их в собственные теологические построения. Так, излагая свой взгляд на Христа, понтифик использует существеннейшие аспекты левой социальной критики, обращенные против современного капиталистического мира: «Глядя на злоупотребления экономической властью, глядя на жестокость капитализма, превращающего человека в товар, мы увидели опасности, которые таит в себе богатство» [Там же, с. 109], «и ведь насколько и в самом деле сильна над нами власть тех безымянных сил, что держат нас в плену, манипулируя нами!» [Там же, с. 36], «мы видим власть рынка, торговли оружием, наркотиками и людьми, власть всего того, что лежит тяжким бременем на мире и накладывает на человечество путы, из которых невозможно вырваться» [Там же, с. 174]. Не только по содержанию, но местами и по форме эти суждения католического богослова совпадают с левой социально-философской критикой отчуждения человека в капиталистическом обществе. А придание им сильной эмоциональной насыщенности, актуальности и ореола таинственности отсылает к приемам, успешно используемым СМИ для привлечения внимания пресыщенного преподносимой информацией читателя или зрителя.

Апелляция Бенедикта XVI к левым идеологемам, да еще с использованием приемов СМИ, ставит его в опасную близость не только к той грани, за которой кончается христианство, но и к грани, за которой кончается всякая религия, а то и принципиальная позиция автора вообще. Как известно, наиболее влиятельной идеологией в левом движении был марксизм, к религии в «чистом» виде относящийся отрицательно, требующий ее преодоления как одной из форм отчуждения человека. Несомненно, Папа отвергает марксизм как способ объяснения и тем более преобразования действительности. Однако он вполне по-марксистски выводит, например, отношение евреев к богатству из социально-исторических условий их жизни. «Во время завоевания Иудеи вавилонянами большинство жителей Иудеи впали в нищету; впоследствии персидская налоговая политика привела к тому, что многие иудеи вынуждены были покинуть страну и в результате снова оказались в крайней нужде. Прежнее представление о том, что благополучие есть следствие праведной жизни, а нищета – следствие жизни неправедной... оказалось несостоятельным» [Там же, с. 87]. Так же по-марксистски Папа объясняет и переход древних евреев к монотеизму, выводя их религиозное сознание из их общественного бытия: «Во времена, когда Израиль оказался без земли и без Храма, Бог, по традиционным меркам, словно бы выпадал из общего круга богов, ибо Бог без земли и возможности почитания не был Богом (*по традиционным представлениям тех времен – С. Д., М. Т.*). Именно в это время Израиль научился по-другому, по-новому смотреть на своего Бога, который был не просто “его” Богом, Богом одного народа и одной страны, а Богом как таковым, Богом всего – Тем, Кому принадлежит все: все страны, вся земля и все небо; Богом, который распоряжается всем и вся» [Там же, с. 349]. Это объяснение вполне соответствует марксистской интерпретации исторического процесса, которая «не разрывает человека и его конкретное общественное бытие» [5, с. 16], но очевидно противоречит духу Священного Писания, которое Бенедикт XVI комментирует, и на которое он сам же и опирается: согласно библейскому тексту, не Израиль сам научился понимать Бога, а Бог – через свое личное откровение, через своих пророков – научил Израиль понимать себя. Как видим, религиозный деятель, так же как и антирелигиозный критик, при исследовании религиозного сознания спокойно может обойтись без понятия Откровения. Ситуация, конечно, курьезная, но при использовании идей из чужой идеологии курьезности, как видно, не избежать. «Викарий Христа» в решении одного из важнейших богословских вопросов отодвинул в сторону Бога, словно забыв о собственном предупреждении, сделанном еще в начале своей книги: «Там, где Бог рассматривается как нечто вторичное, как то, что можно временно или навсегда отодвинуть в сторону ради более важных вещей, там эти самые вещи, казавшиеся более важными, оборачиваются ничем» [4, с. 48].

Обращаясь же к историческому контексту жизни Иисуса, Бенедикт XVI указывает, что проблемы, существовавшие еще во времена Иисуса, волнуют и современного человека, являясь постоянными, непреходящими проблемами человеческого бытия. Тем самым понтифик подводит читателей к мысли о том, что и пути решения этих проблем следует искать в жизни и личности Иисуса. Книга «Иисус из Назарета» оказывается произведением не только богословско-проповедническим, но и социально-философским: все догматические

положения о личности Иисуса даются здесь в контексте проблем современного мира, причем в качестве их решения. Обозначаются эти проблемы как раз в духе критической теории, занимающей левую часть идеологического спектра, а их решение предлагается в соответствии с провозглашенным постмодернистами отказом от насилия и от любых форм дискриминации.

Как известно, особо пострадавшими от капиталистического угнетения современная левая мысль признает евреев, женщин и народы «третьего мира». И по каждой из этих социально-исторических категорий Бенедикт XVI счел нужным высказаться особо. Значительное место в своей книге он отводит рассмотрению иудаизма, причем выказывает такую толерантность по отношению к этой религии (см. выше), что различия между иудаизмом и христианством для рядового читателя становятся едва ли заметными.

Положение женщин Бенедикт XVI вроде бы открыто не затрагивает, однако в его книге есть один весьма любопытный момент, напрямую с этой проблемой связанный. Разбирая евангельскую молитву «Отче наш», на протяжении двух страниц [Там же, с. 148-150] Бенедикт XVI ставит и решает вопрос: «является ли Бог одновременно и матерью?». Ни с евангельскими текстами, ни с традиционным христианским богословием, ни с отношением христианства к другим религиям и культурами этот вопрос никак не связан. Исходя из самой логики «Иисуса из Назарета», достаточно трудно понять, почему этот вопрос вообще возник. Ведь занимаясь, скажем, математикой, не ставим же мы специально вопрос, почему познание идеальных пространственных форм называется словом «землемерие» (геометрия), значение которого к этому виду познавательной деятельности не имеет никакого отношения. Так исторически сложилось, а потому при всем отходе данной части математики от действительного землемерия это название никто не считает нужным менять и даже задумываться о его точном филологическом значении. Кажется, так же обстоят дела и с именованием Бога словом «Отец». Так исторически сложилось, и Бенедикт XVI сам приводит аргумент подобного рода: «для нас остается непреложным фактом молитвенный язык Библии, а в этом языке... само понятие “мать” не используется в качестве обозначения Бога или обращения к Нему» [Там же, с. 150]. К тому же «Отец Небесный», согласно христианскому вероучению, – действительно отец Иисуса Христа в буквальном смысле этого слова – рождает Христа, а не творит Его (и это для ортодоксального христианина очень важно!). Однако в эпоху успешной борьбы женщин за равноправие, в эпоху развития и распространения идеологии феминизма (в том числе и в богословии!) этот вопрос уже поставлен, и игнорировать его богослову, решившему проповедовать в унисон с идеями современной социальной критики, нет никакой возможности. Приходится самому и ставить его, и давать свой ответ, несмотря на то, что логикой исследования это никак не требуется – тем более что в самом католическом мире не так давно уже были прецеденты феминизма, и не простого, а достаточно радикального. «Наиболее известным феминистским теологом, ... иногда называемой “кормилицей феминистской теологии”, является бывшая католическая монахиня Мэри Дэли. Она была первой американкой, удостоенной докторской степени по католической теологии в университете Фрибурга (1963)... Дэли утверждает, что христианское понятие о Боге несправимо андроцентрично и предлагает позднее часто цитируемый лозунг феминистской теологии: “Если Бог – мужчина, тогда мужчина – Бог”» [2, с. 201]. Для того чтобы отвести подобные возражения, Бенедикту XVI приходится прилагать значительные усилия. Для начала он вообще о них не упоминает, отчего, как уже было сказано, эти страницы его книги выглядят произвольной вставкой. Затем он приводит библейские сравнения «любви Бога и материнской любви» [4, с. 148], материнского лона и милосердия Бога [Там же, с. 148-149], после чего вообще заявляет: «Само собой разумеется, что Бог не является ни мужчиной, ни женщиной» (как нематериальное существо), давая понять читателю, что все сексуальные характеристики Бога – художественные метафоры, а не точные богословские описания, способ выражения, а не способ мышления [Там же, с. 149-150], и, наконец, завершает нить своих рассуждений культурно-историческим аргументом: наличие женского начала в божественной сущности – специфика язычества, т.е. поклонения природным существам как богам (и богиням). В монотеизме же Бог понимается не как природное существо, а как Творец всей природы, т.е. признается трансцендентным: «только в результате исключения материнского начала из сферы Божественного в недрах Ветхого Завета смог вырваться образ Бога в его чистой трансцендентности» [Там же, с. 149]. А только трансцендентность Бога по отношению к материальной природе способна обеспечить свободу и разумность человеческого бытия.

Осведомленные читатели и читательницы могут, правда, в ответ на эти рассуждения заметить, что Бенедикт XVI, собственно говоря, воспроизводит традиционные представления, являющиеся объектом феминистской критики: мужское = духовному и свободному (да к тому же еще и божественному), а женское = природному и несвободному, что неизбежно выставляет женщину ущербным существом по сравнению с мужчиной. Кроме того, в истории религий «исключение материнского начала из сферы Божественного» в других случаях вовсе не устраняло политеизма и не вело к трансцендентности в богопонимании. Ну что ж, на явный пересмотр догматов Римско-Католической Церкви даже ее непогрешимый глава пойти не может, а с феминистской критикой традиционной культуры и религии знакомы далеко не все читатели и читательницы – большинство их затронуто лишь настроениями, порожденными этой критикой, но не ее концептуальными построениями. А Бенедикт XVI как раз и попадает в унисон с подобными социально-критическими настроениями, обращаясь к обычным людям, а, разумеется, не к самим критикам-теоретикам.

Не обошел своим вниманием Бенедикт XVI и тему из второго ряда левой мысли, впрочем, вылившуюся в достаточно влиятельное политическое движение «зеленых» – экологическую. В этом случае он тоже

предпочел согласовывать свои рассуждения не со Словом Божиим, а с постмодернистскими умонастроениями. Вопреки словам самого Бога в Святом Писании («сотворим человека по образу Нашему, по подобию Нашему; и да владычествуют они над рыбами морскими, и над птицами небесными, и над скотом, и над всею землею, и над всеми гадами, пресмыкающимися по земле» (Бытие, 1, 26)), Бенедикт XVI, вслед за «зелеными», осуждает претензии человека на овладение силами природы. «И разве не является, например, Чернобыль страшным символом поработанного человеком творения» [Там же, с. 43]. Не владычествовать над природой, к чему, согласно библейскому откровению, предназначил человека Бог, а смиренно служить ей предлагает нынешний служитель божий (хотя, с богословской точки зрения, служение природе есть не что иное, как язычество). В своем стремлении попасть в унисон с современными массовыми умонастроениями он готов закрыть глаза даже на явно антихристианскую направленность экологически ориентированных мыслителей, открыто обвиняющих, как, например, Л. Уайт, именно христианство в экологических проблемах современности (как раз из-за идеи предназначенности человека Богом к господству над природой).

Но главная тема современных левых умонастроений – это, конечно же, «третий мир» как жертва европейского капитализма. Неудивительно поэтому, что на протяжении своей книги Бенедикт XVI обращается к ней дважды [Там же, с. 49, 205], причем во второй раз – в контексте своего комментария евангельской притчи о добром самаритянине. И, как в современном левом дискурсе, эти его рассуждения оказываются составной частью критики европейско-американского капитализма – но, конечно, без упущения из вида собственных целей (убедить читателей в истинности христианства): «...И в нашем мире есть свои жертвы разбойного нападения – к примеру, народы Африки...; наш образ жизни, наша история... способствовали, среди прочего, тому, что они стали жертвами “разбоя” и остаются таковыми по сей день. Но еще страшней то, что мы нанесли вред их душе. Вместо того чтобы дать им Бога, Бога во Христе..., мы наградили их цинизмом безбожного мира, где все подчинено силе и выгоде; мы разрушили их нравственные устои, на месте которых пышным цветом расцвели коррупция и безудержная “воля к власти”» [Там же, с. 205]. Нынешняя помощь капиталистического Запада народам «третьего мира», в силу негодности его социального устройства, оказывается, так же вредна, как и его прежняя колониальная экспансия, более того, еще хуже: «Помощь Запада развивающимся странам, основывающаяся на сугубо материально-технических принципах и гордыне всезнайства, эта помощь не только предала Бога забвению, но и оттеснила от Него человека, что и повлекло за собою превращение третьего мира в тот самый третий мир, каким мы его видим сегодня. Такая помощь отодвинула в сторону сложившиеся религиозные, нравственные и социальные структуры и насадила на пустом месте техницистский менталитет» [Там же, с. 49]. Удалите из этой филиппики идею Бога, и вы получите стандартные рассуждения многих идеологов левого движения второй половины XX века о том, что не только деятельность европейской колониальной администрации в странах «третьего мира», но и деятельность европейских врачей, учителей и лиц подобных им профессий носит негативный для этих стран характер. И, так же как теоретики и практики левого движения, сами будучи материалистами и атеистами, солидаризируются с исламскими фундаменталистскими движениями (как антиколониальными и антикапиталистическими), Бенедикт XVI, будучи спиритуалистом и теистом, готов защищать «сложившиеся религиозные структуры» «третьего мира» (хотя непонятно, почему глава всех христиан, которым, по католическому вероучению, является Папа Римский, сожалеет об «отодвижении в сторону» язычества – тех самых «структур»).

Так же, как и левые идеологи, в рассуждениях о народах третьего мира Бенедикт XVI допускает неоправданную гиперболизацию. Понтифик изображает все негативные черты жизни этих народов исключительно как следствие политической и экономической экспансии европейцев. Но ведь всем, кто всерьез, а не только с агитационно-пропагандистскими целями, изучал историю народов Африки, Азии и Америки, известно, что «сила и выгода» имели среди них самое широкое распространение еще до прихода европейцев (сгон одними племенами других с их земель, а то и вообще истребление, захваты в рабство, эксплуатация богатыми бедных, государственные должности как средство личного и кланового обогащения и т.д.). В современных же условиях подчас именно те самые «нравственные и социальные» структуры оказываются отнюдь не отодвинутыми в сторону, а сохраняющими всю свою силу, оказываясь источниками коррупции, которую Бенедикт XVI вслед за левыми идеологами, наоборот, ставит в вину современным европейцам (когда, скажем, социальной и моральной обязанностью человека, занявшего крупный (или даже не очень) государственный пост, является обеспечение членов своего рода местами в подведомственном ему аппарате). Заявления, что нынешнее состояние третьего мира является результатом помощи ему Запада, как и другие подобные суждения Бенедикта XVI, определяются не объективной социальной реальностью соответствующих стран, а тем способом решения проблем современности, который предлагается книгой «Иисус из Назарета».

Какой же способ излечения этого современного мира предлагает предпоследний Папа Римский? Способ этот также не лишен некоторой левизны, поскольку напоминает «великий отказ» левых молодежных движений 60-70-х гг. прошлого века. В идейном поле «Иисуса из Назарета» неприемлема «идеология успеха и благополучия, которая говорит нам: Бог – это фикция, он только отнимает время и лишает нас удовольствий. Не заботься о нем! Старайся сам урвать от жизни, сколько сможешь» [Там же, с. 174]. «Полное забвение Бога и ориентация исключительно на успех» [Там же, с. 109], замыкание людьми своей жизни исключительно на материальном бытии ведут к поработению личности, подчиняют ее игре безличных сил материального мира (о них см. выше), которые, так или иначе, отождествляются с демонами и самим

Сатаной [Там же, с. 36, 181-182]. В материальном мире самом по себе нет ни личности, ни разумности, ни свободы, и если мы ограничиваемся только им, мы лишаем себя всего этого. «Только вера в единственного Бога дает освобождение и действительно “рационализирует” мир» [Там же, с. 181-182], так как Бог, будучи творцом всего, есть личность, разум и свобода, которые человек, таким образом, может получить, лишь обратившись к Нему. Это обращение представляет собой христианскую веру, так как именно Иисус Христос «дал нам Бога,... который явил Свой лик Израилю; этого Бога, Бога Авраама, Исаака и Иакова, истинного Бога, принес Он народам земли» [Там же, с. 58].

Такая свобода, столь проникновенно изображенная Бенедиктом XVI в своей книге, только по своему имени сходна с той свободой, к которой на протяжении всего Нового времени шел современный «западный» мир и которую этот мир осуществляет теперь. Она, скорее, опять-таки больше напоминает ту свободу, к которой стремятся левые идеологи, и которую они в разное время видели то в маоистском Китае, то даже в полпотовской Камбодже. Такая «свобода» отрицает не только экономическую организацию современного «западного» мира – «капитализм» – но и его идеологические принципы, зафиксированные в понятии прав человека. Бенедикт XVI открыто заявляет, что «сделать выбор в пользу более разумного порядка, в котором Богу, как “занятию” сугубо личному, будет отведено свое место в сфере частной жизни человека» [Там же, с. 56], предлагает ни кто иной, как искуситель. Один из основополагающих принципов современного гражданского устройства – свобода совести, – согласно которому религия есть частное дело каждого человека (вот откуда странное выражение «занятие» в цитате, примененное по отношению к вере), Бенедикт XVI определяет, как исходящее от Сатаны! Несколькими страницами ранее он также заявляет, что толкование Библии, не исходящее из того, что в ней говорит сам Бог, – дело антихриста [Там же, с. 51]!

Таким образом, следуя достаточно влиятельным постмодернистским идеям и установкам, Бенедикт XVI впадает в неизбежные противоречия, которые специфичны для современной западноевропейской мысли. Постмодернисты, отказываясь принимать реальность современного позднекапиталистического общества, в котором господствует насилие, а ценность определяется прежде всего денежным измерением, возлагают ответственность за социальные пороки на западноевропейскую культурную традицию, являющуюся, с их точки зрения, главным образом рационалистической. Поэтому в своих концепциях отдают предпочтение мистическим, интуитивным и другим иррациональным формам познания [6]. Подобная установка нашла выражение и в книге Папы, лишив его позицию определенности и отчетливости. Ниспровергая разум, Папа вслед за постмодернистами ставит под сомнение интеллектуальную традицию, которая лежит в основании не только современного европейского миропорядка, но и является условием существования и единства Католической Церкви. Неслучайно разум признается в христианстве важнейшей чертой богоподобия человека. А другая важнейшая установка постмодернистской мысли на плюрализм и толерантность явно не соответствует провозглашаемому христианской верой представлением о единстве Бога и мира. Обращаясь к левой идеологии, понтифик и вовсе рискует вывести католиков в практическую сферу, лежащую далеко за пределами религии. Действуя столь неоднозначно, Папа занимает позицию постмодерниста: «Стою на том, но могу где угодно и как угодно!» [7, с. 307].

Список литературы

1. Деррида Ж. О грамматологии. М.: Ad Marginem, 2000. 511 с.
2. Легенгаузен М. Современные вопросы исламской мысли. М.: Федория, 2009. 236 с.
3. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. М.: Ин-т эксперим. социологии, 1998. 159 с.
4. Ратцингер Й. (Папа Бенедикт XVI). Иисус из Назарета. СПб.: Издательский дом «Азбука-классика», 2009. 416 с.
5. Рыжков Д. Л. Противоречие как фактор социальных процессов: анализ метода // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2011. № 4. С. 11-17.
6. Торбург М. Р. Постмодернизм о религии // Религиоведение: энциклопедический словарь / под ред. А. П. Забияко, А. Н. Красникова, Е. С. Элбакян. М., 2006. С. 779-780.
7. **Философия**: учебник для вузов / под общ. ред. В. В. Миронова. М.: Норма, 2005. 673 с.

CATHOLIC THEOLOGY IN POST-MODERNISM EPOCH (BY EXAMPLE OF JOSEPH ALOISIUS RATZINGER'S (BENEDICT XVI) BOOK “JESUS OF NAZARETH”)

Dobronravov Sergei Viktorovich, Ph. D. in Philosophy
Torburg Marina Robertovna, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
 Moscow State Mining University
 mggu-kphk@mail.ru; deleuze@rambler.ru

In the article the influence of the post-modernist philosophy main purpose on catholic theology by the example of Joseph Aloisius Ratzinger's (Benedict XVI) book “Jesus of Nazareth” is revealed. The authors show the eclectic and contradictory positions of the Pope, who tries to combine Christian doctrine with left social-philosophic criticism ideas using mass media means.

Key words and phrases: post-modernist school in culture; pluralism; tolerance; disappointment at traditions; loss of thought unity; inconsistency and eclecticism; confusion of different traditions, styles, genres, concepts; logic of complementarity; appeal to modern emotional and intellectual context.